

Мас. 2726

С.

с. 2. „Чайка“.

Комедия в 4-х действиях. Акт. Чехова.

Когда «Чайка» появилась в «Русской Мысли» и ее прочла русская публика, общее мнѣніе было таково, что драма должна проиграть въ исполненіи на сценѣ. Недостатокъ дѣйствія и сценичности, длинные разговоры, въ которыхъ одни дѣйствующіе лица характеризуютъ другихъ—все это, казалось, должно было сдѣлать драму скучной на сценѣ.

Сомнительный успѣхъ, который она имѣла въ Петербургѣ, казалось, еще болѣе это подтверждали, а между тѣмъ въ исполненіи Художественно-общедоступнаго театра третьяго дня драма прошла съ начала до конца при томъ общемъ напряженномъ вниманіи публики, которое всегда бываетъ залогомъ успѣха; въ каждомъ антрактѣ слышались оживленные разговоры въ публикѣ и послѣ каждого акта раздавались долго не смолкавшіе аплодисменты. Въ этой драмѣ какъ-то особенно ярко чувствуется, насколько ея авторъ стоитъ выше цѣлой плеяды новоявленныхъ драматурговъ, у которыхъ все, можетъ быть: и сценичность, и даже избытокъ дѣйствія, но нѣтъ главнаго—таланта.

Всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ такъ умно написаны, полны такихъ яркихъ и типичныхъ чертъ, что вы даже не замѣчаете ихъ длинноты.

Пальма нервенства въ исполненіи драмы принадлежитъ г-жѣ Книпперъ (Ирина Николаевна) и г-ну Мейерхольду (Константинъ).

На сей разъ у г-жи Книпперъ вышла и масса кокетливости, и очень иѣткій для роли тонъ, и ей нельзя сдѣлать рѣшительно ни одного упрека. Бѣда лишь въ одномъ. Очень трудно было поверить, что передъ нами 43-лѣтняя мать совершенно взрослаго сына, и передъ нами была не молодая, а молодая Ирина Николаевна.

Г. Мейерхольдъ въ роли ея сына Константина произвелъ сильное и неожиданное впечатлѣніе. До сихъ поръ мы видѣли его то Васильемъ Шуйскимъ, то буффонирующимъ въ роли Арагонскаго принца или въ роли маркиза Форлинополи въ «Трактирщикѣ». Теперь же порежь намъ былъ хорошій драматическій актеръ, давшій

яркій образъ изломаннаго съ дѣтства неврасстившаго Константина.

Сцена съ матерью въ третьемъ актѣ вышла и у него, и у г-жи Книпперъ такъ искренна, что публика среди дѣйствія покрывала ее аплодисментами. Писатель Тригоринъ въ исполненіи г. Станиславскаго вышелъ уже нѣсколько слабѣе. Получился какой-то распыленный, неясный образъ. Много вредитъ г. Станиславскому и его гримъ. Затѣмъ эти злодѣйски подведенные мрачные глаза у безвольнаго, блудливаго Тригорина? Затѣмъ и самая его блудливость выходитъ какой-то неожиданной, не вытекающей изъ общаго впечатлѣнія.

Г-жа Роксанова—Чайка, увы, не только никого въ зрительномъ залѣ не удовлетворила, а, напротивъ, дѣйствовала какъ-то особенно неприятно на нервы. Опять передъ нами была та же въ концѣ изнервничавшаяся больная Грета, а не восторженно настроенная Чайка смотрящая на Божій міръ своими широко раскрытыми удивленными дѣтскими глазами и вѣряющая, что знаменитости не съютъ и не ѣдятъ, а питаются однихъ вѣчныхъ созерцаніемъ своего собственнаго великолѣпія. Бываютъ роли, гдѣ артистка прежде всего должна быть привлекательна, трогательна и мила публикѣ. Публика должна любить ее и сочувствовать ей съ перваго момента ея появленія на сценѣ, и если этого нѣтъ—роль пропала. Роль Чайки именно такая роль, а г-жа Роксанова если и вызывала жалость, то жалость не къ ней, не къ ея драматическому положенію, а къ ея больнымъ нервамъ. Все время въ зрительномъ залѣ раздавался вопросъ: «Почему эту роль исполняетъ г-жа Роксанова, а не кто-либо другой?» Трудно, конечно, угадать, справилась-ли бы съ нею г-жа Андреева, но въ публикѣ почему-то не разъ вспоминали эту артистку, и дѣйствительно ее хотѣлось видѣть хотя бы въ этой сценѣ декадентскаго монолога въ первомъ актѣ. Эту сцену г-жа Роксанова провела уже прямо невозможно, и въ публикѣ даже слышались смѣхъ, а между тѣмъ какъ все это могло бы быть и сильно, и красиво.

Повидимому, г-жа Роксанова помѣрленно декламировала сиверно и старалась отгнѣнить неумѣлое чтеніе Зарѣчной. Она какъ-то дико выкрикивала и забывала, и, слушая ее, просто дѣ-

лалось какъ-то не по себѣ. Но затѣмъ это понадобилось? Гдѣ у Чехова ремарка, что эту сцену надо провалить и превратить въ какой-то балаганъ? Сама заурядная деревенская любительница могла простить этотъ монологъ и просто, и съ искреннимъ чувствомъ. Въ немъ самимъ авторомъ вложено достаточно странности для того, чтобы онъ могъ вызвать насмѣшку со стороны Ирины Николаевны.

Ничего не вышло у г-жи Роксановой и изъ блестяще написанной авторомъ послѣдней сцены и никому даже не было ея жаль, а просто всѣмъ было ужасно скучно... Да, почему эту роль исполняетъ г-жа Роксанова?.. Вообще какъ ни грустно, а и въ этомъ театрѣ уже начинаютъ накапливаться разныя такія «почему». Почему усиленно играютъ одни и всѣмъ не играютъ другіе? Почему для роли Теодора чуть ли не совершенно неожиданно нашелся превосходный исполнитель въ лицѣ г. Москвина, послѣ того, какъ перепробовали на эту роль нѣсколькихъ артистовъ, а на другія роли никого не ищутъ, не пробуютъ и не сравниваютъ?

Почему г. Москвинъ такъ и тренируется специально въ какого-то вѣчнаго «царя Теодора», точно у него и нѣтъ ничего для другой большой роли, и онъ можетъ изображать какихъ-то шутовъ гороховыхъ въ «Шейлокѣ» и «Гретѣ»? Почему?? Ахъ эти проклятые почему!..

Объ остальныхъ исполнителяхъ надо сказать, что всѣ они создаютъ хорошій ансамбль, а г. Тихомировъ надолго оставитъ въ памяти каждого фигурку учителя Медвѣденю.

Г-жа Лилина превосходно поняла роль Маши, хотя, быть можетъ, напрасно утрируетъ ея грубоватость. Ничего не вышло у г-жи Раевской изъ роли Полины Андреевны. Она очень прилично читала свою роль, но это не была ни жена Шамраева, ни Машинна мать.

Поставлена драма «отлично». Въ декорации перваго акта снова смѣшеніе превосходно задуманнаго плана и страшныхъ погрѣшностей въ постановкѣ. Вдали превосходный видъ на восходъ луны и на озеро съ очень оригинально и удачно переданнымъ блескомъ воды и на всю эту картину падаетъ огромная тѣнь отъ дома, и передъ нею торчатъ совершенно чер-

ная грубо вырѣзанная изъ картона сѣ.

На авансценѣ стоятъ очень ори-

гинально садовыя семейки и сидѣнія на нихъ ярко освѣщаются рамной изъ-подъ сцены. Все это портитъ впечатлѣніе.

Сергій Глаголь.

(С.С. Голушев)